

Александр Амфитеатров

**Страждущие
мужевладельцы**

Александр Валентинович Амфитеатров

Страждущие мужевладелицы (Женское нестроение #9)

«Прочиталъ я два романа. Авторы обоихъ – женщины: г-жи Вербицкая и О. Шапиръ. Произведение первой называется «Исторія одной жизни», второй – «Любовь». Оба романа имѣли заслуженный успѣхъ, а «Любовь» уже потребовала второго изданія. Оба романа – хотя и женской руки, но отнюдь не «дамскіе», въ томъ обидномъ смыслѣ, какъ понимаетъ это колкое словцо насмѣшливая редакціонная и критическая кличка: не праздное или ремесленное рукодѣлье перомъ по бумагѣ о томъ, какъ онъ ее любилъ, она его любила, онъ ее забылъ, она его, ее, себя убила...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Страждущія мужевладѣлицы**

Прочиталъ я два романа. Авторы обоихъ – женщины: г-жи Вербицкая и О. Шапиръ. Произведеніе первой называется «Исторія одной жизни», второй – «Любовь». Оба романа имѣли заслуженный успѣхъ, а «Любовь» уже потребовала второго изданія. Оба романа – хотя и женской руки, но отнюдь не «дамскіе», въ томъ обидномъ смыслѣ, какъ понимаетъ это колкое словцо насмѣшливая редакціонная и критическая кличка: не праздное или ремесленное рукодѣлье перомъ по бумагѣ о томъ, какъ онъ ее любилъ, она его любила, онъ ее забылъ, она его, ее, себя убила. Не «дамскіе» даже при наличности именно того условія, что въ обоихъ только о томъ и рѣчь идетъ, какъ любятъ, измѣняютъ, умираютъ отъ любви. Замѣтны попытки сказать новое слово о взаимнополовомъ чувствѣ – этомъ таинственномъ, безконечно разнообразномъ и вѣчно неизмѣнномъ создателѣ и двигателѣ человѣческаго общежитія, слышно между страстныхъ или сентиментальныхъ строкъ; какъ зарождаются и роятся новыя мысли, предтечи новаго образа дѣйствій, отношеній, условій уклада житей-

скаго. Обѣ писательницы талантливы. Г-жа Вербицкая сильнѣе чисто изобразительною способностью, художественнымъ реализмомъ въ созданіи лицъ и сценъ своего дѣйствія; г-жа Шапиръ богаче вдумчивымъ отношеніемъ къ психологическому развитію сюжета, стараніемъ понятно и ярко уяснить читателю логику и послѣдовательность, вдохновляющаго ея творчество, чувства. При всемъ томъ, сходство страстнаго, участливаго тона въ разсказѣ и мягкой манеры письма сводитъ обѣихъ писательницъ до такой близости, что г-жу Вербицкую часто можно принять за г-жу О. Шапиръ, а г-жу Шапиръ за г-жу Вербицкую. Сходство усилено точнѣйшею параллельностью типовъ, изображаемыхъ обѣими романистками, въ особенности, женскихъ. Послѣднихъ, какъ звѣрей въ Ноевомъ ковчегѣ, можно раздѣлить на правильныя пары чистыхъ и нечистыхъ.

Пара первая: страждущія мужевладѣлицы – Ольга Девичъ у Вербицкой, Нина Безоголова у О. Шапиръ.

Пара вторая: фанатическія няньки мужскихъ талантовъ – Ганецкая у Вербицкой,

Елена Ставлина у О. Шапиръ.

Пара третья: передовыя «мъщанки» – Семенова у Вербицкой, Ковригина у О. Шапиръ.

Пара четвертая: партійныя фанатички, «солдаты великой арміи» прогресса – Колпикова у Вербицкой, интеллигентная огородница Васильева у О. Шапиръ.

Пара пятая: бабенки-сплетницы – фельдшерица Райская у Вербицкой, губернская савонница Клеопатра Львовна у О. Шапиръ.

И такъ далѣе.

Я заговорилъ о романахъ г-жъ Вербицкой и Шапиръ не съ тѣмъ, чтобы предложить читателю полный и послѣдовательный разборъ ихъ многочисленныхъ литературныхъ достоинствъ и весьма немногочисленныхъ промаховъ и недостатковъ. Нѣтъ, меня интересовала, какъ явленіе общественное, подмѣченное обѣими романистками очень тонко и изображенное очень художественно, первая изъ перечисленныхъ паръ: страждущія женщины-мужевладѣлицы. И тѣмъ она любопытнѣе, что, близко схожія между собою, писательницы рѣзко разошлись въ ея оцѣнкѣ. Г-жа Вербицкая рассматриваетъ свою Ольгу Девичъ,

какъ живой матеріалъ для выработки типа положительнаго; у г-жи Шапиръ Нина Безпалова – характеръ отрицательный, несчастіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Обѣ онѣ, Ольга и Нина, – свѣтскія барышни, попавшія въ условія интеллигентно-трудовой жизни, совсѣмъ имъ неподходящей и не посильной. Ольга Девичъ, дѣвушка съ образованнымъ умомъ и мрачнымъ, оскорбленнымъ съ юности, сердцемъ, – характеръ совсѣмъ не сильный по существу, но понимаетъ красоту самостоятельной борьбы съ жизнью, обладаетъ достаточнымъ умѣньемъ и упрямствомъ, чтобы эффектно подражать ея дѣйствительнымъ героямъ и тратить свои нравственныя силы и недюжинныя дарованія въ обстоятельствахъ, правда очень тяжелыхъ, но черезчуръ театрально создаваемыхъ ею самою, умышленно и безъ всякой къ тому настойчивой надобности, какъ принципіальной, такъ и практической. Этой женщинѣ нравится мучительно страдать на людяхъ, и надо ей отдать справедливость: она – удивительная мастерица и сама измучиться, и всѣхъ другихъ вокругъ себя измучить до изступленія. По старому сла-

вянскому рецепту: «никѣмъ же не мучимы, сами ся мучаху». Нина Беспалова просто красавица-барынька, недалекая умомъ, одержимая предрасположеніями къ сорока недугамъ, очаровательная своею женственностью и даже самою болѣзненностью. У нея куриные мозги и безумно-страстный темпераментъ. Она влюбилась въ ученаго, вышла за него замужъ «мезальянсомъ» и считаетъ это приключеніе геройствомъ, за которое мужъ обязанъ заплатить ей, оптомъ, всею своею жизнью, и въ розницу, каждую минутою своей жизни. Нина повисла у своего Романа на шеѣ, прильнула губами къ его губамъ, да такъ и виситъ, не огрываясь. Въ такой трогательной позиціи, супругу, кромѣ любви, заниматься чѣмъ-либо, конечно, весьма неудобно, а Нинѣ то и на руку. Ей не нуженъ въ мужѣ ни мудрецъ, ни талантъ, ни дѣятель, ни даже просто умный и порядочный человекъ, — нуженъ красавецъ-мужчина, который принадлежалъ бы ей и которымъ она могла бы безотвѣтно помыкать когда угодно, какъ угодно и на что угодно. Какъ читатель видитъ, Ольга и Нина; по прирожденнымъ характера-

мъ и по міровоззрѣнію житейскому, казалось бы, стоятъ на двухъ концахъ діаметра и не могутъ ни въ чемъ имѣть общаго. И, однако, кандидатка въ общественныя героини, Девичъ, и пустая, балованная бабенка Нина Беспалова, въ своемъ отношеніи къ мужской любви, оказываются не только родными сестрами: нѣтъ, Девичъ – это Беспалова, а Беспалова – это Девичъ.

Въ началѣ романа г-жи Вербицкой, Ольгѣ Девичъ уже двадцать пять лѣтъ: слава Богу, не подростокъ, стало быть! Въ прошломъ у нея остались не только событія, но даже подвиги: разрывъ съ богатою и титулованною роднею ради самостоятельной, трудовой жизни, поѣздка сестрою милосердія на русско-турецкую войну въ грозный фратешскій госпиталь и т. п. Зарабатывая сто тридцать рублей въ мѣсяцъ, она сама живетъ на тридцать, а остальные сто отдаетъ на нужды учащихся бѣдняковъ. Она красавица изъ красавицъ. Она – исключительный вокальный талантъ, но не желаетъ пользоваться своими богатѣйшими голосовыми данными; потому что служить искусству – непозволительный

эгоизмъ, надо жить для людей: Ольга стремится стать женщиною-врачемъ и готовится (не въ укоръ ей будь сказано, ужасно долго для такой способной натуры!) поступить на медицинскіе курсы. Въ ней видятъ «силу», ее обожаютъ молодежь, ей поголовно завидуютъ женщины; ее стремятся завербовать въ свои ряды самые крайніе люди прогрессивной партіи. Словомъ, особа весьма достопримѣчательная и столь разнообразно со всѣхъ сторонъ искомая, что, покуда г-жа Вербицкая не показываетъ Ольгу въ словъ и дѣйствіи; а только рассказываетъ о ней, познакомиться съ этою «царь-дѣвицею» весьма любопытно. Но когда Ольга въ романѣ сама налицо, интересъ и ореолъ необыкновенной женщины быстро таютъ, и только близорукой не разглядитъ, какъ изъ-за классическихъ драпировокъ, набросанныхъ авторомъ на Ольгу, сквозитъ красивенькая, хрупкая фигурка капризной, сластолюбивой мужевладѣлицы, Нины Безпаловой.

Ходили въ обществѣ слухи, будто «Исторія одной жизни» – художественная біографія одной, очень замѣтной дѣятельницы восьмиде-

сятыхъ годовъ. Я этому не вѣрю, прежде всего потому, что между характеромъ Ольги Девичъ и характеромъ предполагаемаго оригинала нѣтъ рѣшительно никакого сходства. Что же касается нѣкотораго подобія во внѣшнихъ событіяхъ, то сильныя и острыя семейныя исторіи, съ разрывами, самопожертвованіями, одиночествомъ, тяжелымъ трудомъ, голодовкою, переживали въ то время сотни передовыхъ дѣвушекъ. Всѣ шли къ свѣту науки и дѣятельности по одной тернистой тропѣ, и г-жа Вербицкая описала въ своемъ романѣ отнюдь не исключительныя какія-либо тернія, но историческій шаблонъ терній, испытанный огромнымъ большинствомъ тогдашней женской молодежи. Я совсѣмъ не упомянулъ бы объ этомъ слухѣ, если бы могъ отнести къ героинѣ г-жи Вербицкой съ большею симпатіей, потому что лицо, съ котораго она якобы написана, смолodu привыкъ цѣнить высоко, уважать глубоко. Но Ольга Девичъ, по моему искреннѣйшему убѣжденію, подобныхъ чувствъ чловѣку, трезво размышляющему, внушить не можетъ и не должна, о чемъ и послѣдуютъ пункты. А,

въ ожиданіи пунктовъ, настойчиво подчеркивая то предупрежденіе, что все, сказанное мною объ Ольгѣ Девичъ, будетъ относиться только къ героинѣ романа г-жи Вербицкой, и ни однимъ словомъ къ какому-либо дѣйствительному лицу, мнимый портретъ котораго она будто бы представляетъ.

«Исторію одной жизни» г-жа Вербицкая могла бы съ полнымъ правомъ назвать «Притчею о неразумительной дѣвицѣ, полагавшей, что дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ». Имѣя двадцать пять лѣтъ на плечахъ, не малую житейскую опытность, серьезныя, идейныя знакомства, перспективу долгихъ научныхъ занятій и затѣмъ полезной общественной дѣятельности, Ольга, въ одинъ прекрасный день, спохватилась и воскликнула:

— А любовь? Когда же я успѣю любить и быть любимой?

И, попросивъ всѣ дѣла свои не уходить медвѣдями въ лѣсъ, опредѣлила себѣ предварительно пройти полный курсъ амурныхъ времяпрепровожденій, а затѣмъ, когда потребность въ личномъ счастьѣ будетъ совершенно удовлетворена, перейти къ устрой-

ству благополучія общественнаго, черезъ поступленіе на медицинскіе курсы. Нѣкто Семеновъ (мрачная энергическая фигура, кажется, и впрямь списанная, если не съ дѣйствительнаго лица, то съ легенды о дѣйствительномъ лицѣ) основательно пророчитъ Ольгѣ, что, — покуда, молъ, вы отлюбите, пожалуй, и курсовъ-то для васъ уже не станетъ. Но Ольга упрямо стоитъ на своемъ: сперва полюблю въ полное свое удовольствіе, потомъ поучусь, и выйдетъ у меня всякому овощу свое время.

Нина Ставлиная познакомилась съ репетиторомъ Романомъ Безпаловымъ, плѣнилась его кудрями:

— Ахъ, какой мужчина!

Затѣмъ бѣжала съ нимъ подъ сѣнь струй и, вступивъ въ бракъ, принялась вертѣть благопріобрѣтеннымъ кудрявымъ имуществомъ по своей прихоти и усмотрѣнію, что было очень скверно, вредно и какъ авторомъ, такъ и всѣми благомыслящими людьми справедливо осуждается.

Ольга Девичъ встрѣтила бѣдняка-офицера Чарницкаго, влюбилась въ его цыганскій

профиль:

– Ахъ, какой мужчина!

Мужчина оказался, дѣйствительно, недурнымъ, и не только со стороны цыганскаго профиля. Вотъ очень характерная послѣдовательность ихъ любовныхъ отношеній.

Чарницкій не любилъ Ольгу, когда на нее нашло вождельніе, чтобы онъ ее любилъ. Ольга сама назойливо объясняется ему въ любви, навязывается ему въ полномъ смыслѣ этого слова. Чарницкій, съ самымъ настойчивымъ благоразуміемъ, указываетъ предприимчивой дѣвицѣ, что они во всѣхъ отношеніяхъ не пара. И Ольга тоже отлично сознаетъ правоту его. При всемъ томъ, – нѣтъ, хочу, чтобы любилъ, – и люби! Влюбиться въ красавицу, которая упорно вѣшается вамъ на шею, совсѣмъ не долго и не трудно, но Чарницкій, и потерявъ голову отъ влюбленности въ Ольгу, остается честнымъ человѣкомъ; объ понимаетъ весь бредъ связи, въ которую тянетъ его дикая дѣвушка, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы устранить соблазнъ страсти, въ серьезность которой

онъ не вѣрять, а легко воспользоваться ею не хочетъ. Чтобы отвадить отъ себя Ольгу, онъ предлагаетъ ей испытаніе, очень тяжелое, компрометирующее: придти къ нему во время его попойки съ товарищами. Ольга и на то согласна. Хорошо еще, что Чарницкій хотя и не ожидалъ отъ своей поклонницы столь геройской покорности, все-таки, сохранилъ въ душѣ нѣкоторое сомнѣніе: чѣмъ, дескать, чортъ не шутить? Отъ нея станется, вдругъ, возьметъ, да и придетъ? Потому что Ольга, дѣйствительно, пришла, и Чарницкій едва успѣлъ перехватить ее на лѣстницѣ меблированныхъ комнатъ, чтобы скрыть отъ пьяной компаніи. Когда же кто-то изъ товарищей, все-таки, замѣтилъ Ольгу, Чарницкій, до тѣхъ поръ выше всего на свѣтѣ цѣнившій свою холостую свободу, торжественно объявилъ гостью своею невѣстою. Казалось бы, — «что и требовалось доказать».

Не тутъ-то было.

— Возьмите меня, какъ вашу вещь... но никакихъ условій, никакихъ цѣпей... Замужъ за васъ я не выйду никогда... Я не могу измѣнить себѣ... Ахъ, это потомъ, потомъ... У

вась свои цѣли, у меня свои. Зачѣмъ намъ за-гораживать будущее другъ другу?

Когда Ольга отдалась Чарницкому, онъ умоляетъ ее выйти за него замужъ. Нѣтъ.

Когда о связи ихъ дозналось общество, — по бравадамъ самой же Ольги, — Ольга компрометтирована, Ольга лишается уроковъ и осуждена на нищету, — Чарницкій умоляетъ ее выйти за него замужъ. Нѣтъ.

Ольга беременна. Чарницкій умоляетъ Ольгу обвѣнчаться хоть ради будущаго ребенка. Нѣтъ.

Живутъ вмѣстѣ, гонимые общественнымъ гнѣвомъ, безъ занятій, безъ средствъ, бѣднѣютъ, нищають, голодаютъ, здоровье обоихъ разстроено въ конецъ, у Ольги что-то въ родѣ чахотки, у Чарницкаго что-то въ родѣ аневризма. Ребенокъ ихъ рождается, измученный истощеніемъ и нервностью матери еще во чревѣ ея, онъ въ желтухѣ и вскорѣ умираетъ. Все время Чарницкій умоляетъ Ольгу о свадьбѣ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Почему же, однако, нѣтъ? Не потому ли, что, по взглядамъ Ольги, законный бракъ формальность, пойти на которую значитъ

сдѣлать уступки общественнымъ требованіямъ противъ своихъ убѣжденій? Ничуть. Разгадка совсѣмъ иная. Просто – все это: любовь, сожителство, ребенокъ, – въ представленіяхъ Ольги, – дѣло временное. А, отбывъ его, Ольга примется за давно обѣщанное, вѣчное дѣло; приготовится на медицинскіе курсы и будетъ женщиною-врачемъ. Почему нельзя сдѣлать того же, не замучивъ до смерти своего ребенка, а себя и любимаго человѣка до полусмерти, – это тайна Ольги и, обожающей ее, г-жи Вербицкой. Женщинъ-врачей въ Россіи много: огромное большинство изъ нихъ замужнія и дѣтныя, и прекрасное, честное дѣло ихъ отъ того ничуть не страдаетъ, что онѣ по паспорту дамы, а дѣти ихъ пишутся брачными. Изображать женщинъ, изучающихъ медицину, какими-то жрицами свободной любви, презирающими не токмо законные, но даже твердо постоянные гражданскіе браки, и неустанными въ производствѣ внѣбрачныхъ ребятъ, – было до сихъ поръ незавидною привилегіей ретроградной печати, къ которой г-жа Вербицкая, конечно, не принадлежитъ и принадлежать

не можетъ. Тѣмъ курьезнѣе сходство идей Ольги о медицинскомъ образованіи съ идеями Мещерскаго, Грингмута и К°. Въ чемъ, собственно, таится опасность и угроза, предчувствуемая Ольгою своему «дѣлу» въ бракъ, — постичь весьма трудно. Правда, Чарницкій противъ поступленія Ольги на курсы, но г-жа Вербицкая рисуешь его такимъ стговорчивымъ и покладистымъ, въ рукахъ Ольги, малымъ, что это препятствіе не можетъ считаться серьезнымъ: Ольга, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ, и съ чѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и заставляетъ его мириться, — заставила бы, конечно, примириться и съ курсами.

Что Ольга могла влюбиться въ Чарницкаго, хотя онъ и совсѣмъ другого поля ягода, разумѣется, вполне понятно и непредосудительно: отчего двадцатипятилѣтней дѣвицѣ «съ темпераментовъ» и не влюбиться въ красиваго офицера? Но — вотъ что удивительно: эта поборница свободнаго чувства, эта противница крѣпкихъ любовныхъ цѣпей, оказывается затѣмъ столь же требовательною и убѣжденною мужевладѣлицею, какъ и капризная салонная фея, Нина Безпалова. Раз-

ница только въ томъ, что Нина коверкаетъ жизнь молодого талантливаго ученаго, — и всѣ ее за то проклинаятъ, а Ольгу прихоть ея пристроила коверкать жизнь молодого и не очень блестящаго офицера, и г-жа Вербицкая негодуетъ... на Ольгу? Анъ, нѣтъ: на офицера, — какъ онъ смѣетъ, чтобы рукамъ необыкновенной Ольги было трудно ломать его, въ качествѣ живой куклы. Совсѣмъ — «ужь такъ-то ли мнѣ было жаль тебя, маменька; ты такъ устала, колотя папеньку»...

Да простится мнѣ еретическое мнѣніе: какъ ни плоха жалкая Нина Безпалова, но однимъ своимъ достоинствомъ даже она лучше и человѣчнѣе идеальной Ольги. Она очень глупо повисла на шеѣ своего Романа, загубила жизнь и свою, и его, по крайней мѣрѣ, безумствуя, чувствовала и сознавала, что это уже — навѣкъ. Вотъ тебѣ, Романъ — я, Нина, на всю жизнь, а ты за это подай мнѣ цѣликомъ всю свою жизнь. Не смѣй отойти отъ меня безъ позволенія. Не смѣй любоваться или даже любезно говорить съ другою женщиною. Не смѣй заниматься любимымъ дѣломъ, разъ оно мнѣ несимпатично. Не смѣй говорить о

предметахъ, которые выше моего пониманія. Не смѣй имѣть своихъ знакомыхъ, своей переписки, вкусовъ, взглядовъ, выраженія лица, которое мнѣ не нравится. Изучи мои вкусы, угадывай мои мысли и подчиняй имъ свой быть... Ужасно, отвратительно! Но Нина Безпалова даетъ въ этой безобразной программѣ мужу своему хоть то слабое преимущество, что, если любовь жены становится для него могилою, то и она-то сама, Нина, заключается съ нимъ въ могилу – вѣрно, вѣчно, безъ обмана; она потребовала, чтобы онъ увязъ выше ушей въ неразсуждающей, красиво чувственной любви, но и сама ничего, кромѣ неразсуждающей любви, не хочетъ и никогда не захочетъ. Она не уйдетъ отъ Романа ни для кого, ни для чего. Тутъ, какъ ни скверна ихъ супружеская жизнь, – да хоть, что называется, оба квиты. Между тѣмъ Ольга, чей любовный и ревнивый деспотизмъ г-жа Вербицкая изобразила гораздо болѣе рѣзкими и реальными красками, чѣмъ г-жа Шапиръ любовный и ревнивый деспотизмъ Нины, не оставляетъ своему возлюбленному даже и такого плачевнаго утѣшенія. Ея лю-

бовъ – также могила для любимаго челоуѣка, но вырытая только на одно мѣсто, односпальная. Сама Ольга спускается въ могилу на время, а не навсегда. Отлюбить какой-то удобный и удобный ей срокъ, а потомъ, – къ «дѣлу». Дѣло выше Чарницкаго. Это, конечно, звучитъ честно и хорошо. Но Чарницкій-то, сходясь съ Ольгою, вовсе не рассчитывалъ быть ангажированнымъ только на время любви, съ перспективою безсрочнаго отпуска въ недалекомъ будущемъ, – иначе, сколь Ольга ни обольстительна, онъ отъ ангажементу ея въ первые любовники, навѣрное, уклонился бы. И Романъ Беспаловъ, и Чарницкій любятъ своихъ взбалмошныхъ женъ крѣпко, а тѣ превращаютъ существованіе супруговъ въ адъ, хотя и сотканный изъ поцѣлуевъ.

Пробывъ у Ольги въ гостяхъ нѣсколько дней подрядъ до трехъ часовъ утра (плюсъ обязательная ночевка съ субботы на воскресенье), Чарницкій, «чувство въ сангвинической натурѣ котораго не могло долго держаться на одной высотѣ», осмѣлился замѣтить невѣстѣ, что «нельзя же постоянно лизаться», «надо выспаться», – драма. Собрался пойти къ

знакомымъ, – драма съ бранью, истерикою, швыряньемъ вещей. Приѣхаль къ Чарницкому братъ-мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Ольга ненавидитъ мальчика за родственную близость къ Чарницкому и считаетъ съ своей стороны чуть не подвигомъ, что она хоть вѣжлива съ бѣднымъ подросткомъ. Чарницкій имѣетъ хорошія, добрыя чувства къ своей далекой семьѣ. Ольга ненавидитъ семью Чарницкаго именно за эти добрыя чувства. Чарницкому понравилась картина, изображавшая цыганку, – Ольга устроила ему бѣшеную сцену ревности даже на улицѣ. Затѣмъ пошли безобразныя драмы изъ-за каждой встрѣчной женщины, знакомой ли, незнакомой ли: изъ-за cadaго случайнаго женскаго взгляда, привлеченнаго красивымъ офицеромъ. Человѣкъ честный, вѣрный, любящій, безупречно порядочный и правдивый, терпитъ бессмысленныя нравственныя пощечины изо дня въ день, изъ часа въ часъ.

За что? во имя чего? Что онъ получаетъ за это?

– Я не семьянинка, пойми меня... Я была

безсильна бороться со страстію... Но мнѣ не хотѣлось измѣнять своимъ принципамъ никогда... даже въ самыя высокія минуты наслажденій...

— Этотъ день пропаль... Этотъ вечеръ погибъ... безъ любви и ласки, безъ радостей, въ ссорѣ... А много ли у меня этихъ дней впереди? Вѣдь скоро всему конецъ...

Если бы Чарницкій былъ просто чувственнымъ любовникомъ безъ совѣсти и деликатности, онъ, разумѣется, заботился бы объ одномъ: покуда Ольга ему нравится, держать «чувства своей сангвинической натуры» на достаточной высотѣ, чтобы «высокія минуты наслажденій» выпадали «несемьянинкѣ» въ какъ можно большемъ количествѣ, а антрактовъ для ревности случалось какъ можно меньше. Но, повторяю, этотъ человекъ рѣшительно не въ состояніи понять, какъ это порядочные мужчина и женщина, отбивъ періодъ любви, точно какую-то службу другъ передъ другомъ, потомъ возьмутъ и разбѣгутся въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ твердо стоитъ на томъ, что, взявъ любовь честной дѣвушки, онъ при-

няль на себя въ отношеніи ея неразрывныя семейныя обязательства. Удивительно вотъ что: толкуя все время о своихъ оринципахъ и о томъ, какъ уйдетъ она отъ любви къ «дѣлу», Ольга хоть бы разъ задала себѣ вопросъ: а нѣтъ ли у человѣка, которымъ я завладѣла почти насильно, тоже своихъ принциповъ, не позволяющихъ ему сходиться со мною, только какъ съ временной любовницей? Нѣтъ ли у него своего «дѣла» въ жизни, которое требуетъ его къ себѣ съ неменьшею властью, чѣмъ ея будущее, многоглаголивое; но вѣчно трагикомически отсроченное «дѣло»?

Ради сознательно и предвзято временной связи Ольга ставитъ Чарницкаго въ необходимость рассориться съ горячо любимой семьей. У Чарницкаго жалкая служба (межевой инженеръ), но лучшей негдѣ взять. Даютъ ему командировку, – Ольга не пускаетъ: нельзя ей остаться безъ «минутьъ высокихъ наслажденій». Изъ жизни Чарницкаго вынута буквально всякое содержаніе. Ему даже музыка воспрещена, потому что отнимаетъ время у поцѣлуевъ. Онъ – любовный аппаратъ и

только таковымъ обязуется себя понимать и чувствовать. Все что въ Чарницкомъ чуждо любовнаго о ней помысла, Ольга, съ самою откровенною яростью, ненавидить, презирать, воюеть со всѣмъ тѣмъ не на животъ, а на смерть. Совершенно та же логика любви у глупенькой Нины Беспаловой, которая ненавидитъ науку своего мужа, его лабораторію, его сотрудниковъ, его книги, все его «дѣло», потому что съ ними надо дѣлиться своимъ Романомъ, а онъ, когда обнялъ ее впервые, то, такъ сказать, безсловно обязался быть весь ей, безъ соперницъ въ мірѣ женщинъ ли, идей ли. Моментомъ своей дѣвственной страсти обѣ эти особы купили себѣ мужей-рабовъ и съ наивною твердостью увѣряютъ, что, моль, рабство это, рабство тѣла и духа, есть все ваше земное назначеніе: если вы рабы, послушно ходите по нашей стрункѣ и ни о чемъ постороннемъ не размышляете, то, значитъ, любите насъ; а, если осмѣливаетесь думать о чемъ-либо кромѣ прелести владычицъ вашихъ, то, значитъ, разлюбили, измѣнили, предали! И владычицамъ остается только покарать васъ такимъ трагическимъ скандало-

мъ, чтобы волосы стали дыбомъ на головѣ и упокойники въ гробахъ сказали «спасибо», что умерли. Чувашъ, когда обиженъ сосѣдомъ, наказываетъ оскорбителя «сухою бѣдою»: вѣшается на воротахъ его дома. Японецъ наказываетъ обидчика, распарывая собственное брюхо. Дамы-мужевладѣлицы, подобныя Нинѣ и Ольгѣ, – словно бы чувашскаго и японскаго происхожденія, образа мыслей и поведенія.

– А! Ты бунтовать? У тебя свои мнѣнія? свои знакомые? свои вкусы? разлюбилъ?! Такъ вотъ же тебѣ! Помни на всю жизнь, что я твоя жертва, а ты мой убійца!

И – глядь: нахлебалась ни съ того, ни съ сего нашатырю, опиума, сулемы или другой мерзости...

Рабство чувства – и ревность, ревность, ревность! сцены, сцены, сцены! драмы, драмы, драмы!.. И все – «изъ-за выѣденнаго яйца», какъ опредѣляетъ каторгу своей жизни Чарницкій.

Любопытно, что всѣмъ глупымъ и тупымъ, недостойно сладострастнымъ рабствомъ своимъ эти злополучные все же не въ силахъ

внушить своимъ владычицамъ хоть искру довѣрія. Нина Беспалова отравилась, вообразивъ своего, ни въ чемъ неповиннаго, Романа измѣнникомъ, — ей даже и въ голову не пришло, что надо бы хоть объясниться что ли съ мужемъ, провѣрить, что и какъ... Ахъ, кузина упрекаетъ меня, что я дурно обращаюсь съ мужемъ! Ахъ, значитъ, онъ жаловался на меня кузинѣ! Ахъ, значитъ, онъ съ кузиною откровеннѣе и ближе, чѣмъ со мною! Ахъ, значитъ, онъ измѣнилъ! Ахъ, значитъ, не хочу жить на свѣтѣ!.. За Чарницкимъ Ольга слѣдитъ по незнакомымъ домамъ, подглядывая въ оконныя щели... и сцены, сцены, сцены! драмы, драмы, драмы!.. И это жизнь? Это любовь? Это честныя супружескія отношенія? «Пудель, на что вѣрная собака, и тотъ сбѣжитъ»!

Но мужчины кисти г-жъ Вербицкой и О. Шапиръ, Чарницкій и Беспаловъ, въ особенности первый, оказываются выносливѣе пуделей. Чѣмъ имъ круче приходится отъ влюбленныхъ владычицъ, тѣмъ они смиреннѣе покорствуютъ любовной власти. Случайно вырвавшись изъ своего семейнаго ада въ ко-

мандировку, Чарницкій соблюдаетъ по отношенію къ Ольгѣ вѣрность Тогенбурга, а она издалека шпигуетъ его письмами, полными того ядовитаго ревниваго «великодушія», отъ котораго человекѣ честному и самолюбивому можно съ ума сойти. И все это – опять-таки, точь въ точь по рецепту Нины Беспаловой: безъ данныхъ, безъ провѣрки, по однимъ слухамъ, предчувствіямъ, по молвѣ людишекъ, которыхъ Ольга сама презираетъ. Ея любовникъ для нея богъ, но послѣднему червю, пресмыкающемуся у ногъ его, больше вѣры, чѣмъ этому богу.

Скажутъ:

– Но вѣдь ревнивыя опасенія какъ Нины, такъ и Ольги, въ концѣ концовъ, сбылись, какъ правдивый голосъ безошибочнаго инстинкта. Ихъ мужья, оставшись внѣ надзора, измѣнили-таки своимъ владычицамъ...

Увы, да! Но и – увы! не по другой какой причинѣ, какъ именно, что «пудель, на что вѣрная собака, и тотъ сбѣжитъ». Жертва упрямой и неосновательной ревности, мужчина ли, женщина ли, не можетъ безконечно отдавать свою душу, свои нервы на медленное

съѣденіе безумію даже беззавѣтно любимаго
человѣка. По крайней мѣрѣ, не можетъ безъ
страшной усталости, и нравственной и физи-
ческой. А, гдѣ усталость, тамъ и реакція чув-
ства, тамъ и потребность отдыха. Что съ этою
потребностью можно успѣшно бороться, –
вѣрно. Но еще вѣрнѣе, что, ослабѣвъ въ
борьбѣ, усталый отъ ревниваго пиленія, отъ
назойливо внушаемаго и провѣряемаго чув-
ства рабской принадлежности, человѣкъ
весьма легко падаетъ иной разъ, самъ того не
ожидая, нечаянно и почти что невинно. Чест-
на и прекрасна Дездемона; оклеветанная, без-
винно умерла она, – жаль бѣдняжку Дездемо-
ну! А все-таки, пожалуй, судьба поступила не
глупо, допустивъ ее умереть за небывалую
любовь. Потому что, не рѣшись Отелло убить
Дездемону, ревность его не умерла бы, но
только размѣнялась бы по мелочамъ. И
вотъ – прошло нѣсколько недѣль. Отелло за-
мучилъ бѣдную женщину дикими сценами,
гримасами, нелѣпо язвительными разговора-
ми о платкѣ, замучилъ до одури. Пылкой
венеціанкѣ жутко отъ пустой, оскорбитель-
ной жизни безъ любви, жизни, отравленной

безсмысленными, придиричливыми обидами. А Кассіо хорошъ и добръ. А Лодовико красивъ и великодушенъ. И – о, какая длинная пара роговъ выросла бы, въ концѣ концовъ, на черномъ лбу ревниваго мавра!.. И одною прелюбодѣйною женою стало бы больше на свѣтѣ, и однимъ возвышеннымъ образомъ женскаго благородства меньше въ царствѣ поэзіи. Тонко и умно спрашиваетъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Лаврецкій Лемма о шиллеровскомъ «Фридолинѣ»:

– А какъ вы думаете: вѣдь, тутъ-то, какъ графъ привелъ его къ графинѣ, Фридолинѣ, и сдѣлался ея любовникомъ.

Потому что нѣтъ чувства, болѣе тяжело и обидно угнетающаго, чѣмъ безпричинная ревность, – животное отсутствіе уваженія и довѣрія къ человѣческому достоинству любимаго существа. Гдѣ безвинное оскорбленіе, тамъ и инстинктивно мстительный отпоръ на него, созрѣвающій иной разъ даже незамѣтно и бессознательно для того, въ чьей угнетенной душѣ онъ родится.

Возможны два отношенія къ близкому человѣку.

Одно – положительное:

– Я люблю тебя, – поэтому вѣрю, что ты честенъ (честна) и вѣренъ (вѣрна) мнѣ, и буду вѣрить, если ты не разрушишь моего довѣрія измѣною.

Другое – отрицательное:

– Я люблю тебя, – доказывай же мнѣ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, изъ минуты въ минуту, что ты не негодяй (-ка) и не развратникъ (-ца), иначе я не могу имѣть къ тебѣ довѣрія ни на кончикъ мизинца.

Презумпція порядочности любимаго челоуѣка и презумпція его всенепремѣнной половой подлости. Мужчины и женщины разумные живутъ первою. Женовладѣльцы и мужевладѣльцы терзаютъ себя и другихъ второю.

– Доказывай, доказывай, доказывай, что не любишь никого другого! Доказывай, Дездемона! Доказывай, Чарницкій! Доказывай, Романъ Безпаловъ!

Древній мудрый императоръ, когда ему совѣтовали установить для государства обрядъ періодической присяги, возразилъ:

– Сколькимъ вѣрнымъ людямъ

опротивѣла бы ихъ вѣрность, если бы ихъ заставляли клясться въ ней каждый день.

Точно такъ можетъ опостылѣть человѣку борьба съ недобросовѣстною презумпціей его безчестности. Опостылѣть не только до усталости, о которой шла рѣчь выше, но даже до озлобленія: до готовности Дездемоны отмстить за свои слезы и горести паденіемъ въ объятія хотя бы того же невинно подозрѣваемаго, мнимаго соучастника своего Кассіо, до тайной связи Романа Безпалова съ Еленю Ставлиною. Все равно, молъ, въ любимыхъ глазахъ я не человѣкъ, а вѣчно похотливая дрянъ. Ну, такъ вотъ же, — чтобы хоть не напрасно терпѣть, я и впрямь, на зло, втихомолку, буду дрянъ дрянью. Но у Чарницкаго даже и этого озлобленія нѣтъ, хотя у ревнуемыхъ мужчинъ оно чаще, чѣмъ у ревнуемыхъ женщинъ. У него именно только усталость. Его измѣна — просто внезапный, произвольный сонъ, съ чувственнымъ видѣніемъ, охватившій человѣка, замученнаго жестокою, страшною тиранніей, какъ скоро онъ попалъ на отдыхъ въ среду ласковую, мягкую, нетребовательную. Это сонъ, а не

дѣйствительность. И пробужденіе Чарницкаго отъ сна къ дѣйствительности очень тяжело. Г-жа Вербицкая, при всей своей строгости къ невѣрному офицеру, описала сцену его одинокаго раскаянія съ большимъ чувствомъ. У Чарницкаго нѣтъ ни одной минуты колебанія въ выборѣ между дѣйствительностью и сномъ; онъ любитъ и желаетъ одну лишь суровую мучительницу свою, полубезумную Ольгу. Онъ не связанъ съ нею никакими официальными узами, не обязанъ ей никакимъ официальнымъ отчетомъ, — не мужъ, вѣдь, и даже не обѣцано ему производства въ этотъ лестный чинъ. Положеніе «временной любовницы» г-жа Вербицкая въ одномъ, очень выразительномъ мѣстѣ романа справедливо называетъ позорнымъ. Нельзя сказать, чтобы красиво и пріятно было положеніе «временнаго любовника», въ которомъ оставляетъ Чарницкаго Ольга. Взятый, какъ «временный любовникъ», почему не въ состояніи онъ отнестись къ Ольгѣ, какъ къ «временной-же любовницѣ»? Почему для него всего на свѣтѣ страшнѣе, чтобы Ольга какъ-нибудь не провѣдала объ его злополучно-

мъ «снѣ?» Почему, когда Ольга, все-таки, прослышавъ объ измѣнѣ, исчезла, онъ мечется въ безумныхъ поискахъ за нею, бросивъ всѣ дѣла, службу, не говоря уже о соучастницѣ «сна»? на которую ему взглянуть противно? Почему онъ тоскливо ждетъ свою безвѣстно пропавшую Ольгу сердцемъ, полнымъ нѣжности, въ теченіе двухъ лѣтъ, отравленныхъ бѣдностью, семейными несогласіями, одиночествомъ, тогда какъ – стоитъ ему протянуть руку влюбленной и милой женщинѣ, чтобы превратиться въ богатаго буржуа, успокоить старость любимой старухи-матери, осчастливить всю свою семью? Онъ женится по расчету, ради родныхъ, лишь убѣдившись, что Ольга больше не существуетъ, – по крайней мѣрѣ, для него.

Г-жа Вербицкая очень умно избавила отъ порока ревности самого Чарницкаго. Онъ не могъ, не долженъ былъ ревновать Ольгу – не по самоувѣренности и не потому, что мало любилъ, но потому, что любилъ съ презумпціей ея честности. Думаю, что было бы очень трудно вложить въ него сомнѣнія о вѣрности Ольги, а, буде они и явились бы, то

не поддадался бы онъ имъ на одни слѣпые слухи, безъ доказательной, строгой провѣрки. Ольга любитъ Чарницкаго, наоборотъ, — съ презумпціей его мужского коварства. Поэтому, когда своекорыстные людишки сообщаютъ ей сплетни и намеки насчетъ похождения Чарницкаго, она моментально и чисто «по-бабьи» принимаетъ на вѣру то, о чемъ «кричитъ весь городъ», не требуя иныхъ доказательствъ, кромѣ собственнаго чутья. не изслѣдуя ни дѣйствительности, ни причинъ, ни обстоятельствъ вины. Она объявляетъ Чарницкому письмомъ полный разрывъ и исчезаетъ съ такою же быстротою, какъ Нина Беспалова отравляется.

— Конечно, исчезаетъ на «дѣло»? на медицинскіе курсы?

То-то и бѣда, что Семеновъ былъ правъ. Хотя дѣло и не медвѣдь, однако и его можно переутомить отсрочками и переожиданіями до того, что оно махнетъ на васъ лапою и уйдетъ въ лѣсъ. И, покуда Ольга любила и привередничала на мужевладѣльческой стезѣ, столь громко обѣщанное, общественное дѣло ея, и впрямь, ушло въ лѣсъ: медицинскіе курсы

были закрыты. Ольга осталась безъ любви и безъ дѣла, въ глупомъ положеніи синицы, которая надѣлала славы, а моря не зажгла.

Но г-жа Вербицкая слишкомъ любитъ свою красавицу-героиню, чтобы оставить ее въ «трагическихъ дурахъ». Она заставляетъ Ольгу увѣрять въ моднаго соціального проповѣдника Семенова. Послѣ поцѣлуя съ нимъ, — весьма скорого по разрывѣ съ Чарницкимъ изъ-за слуховъ о поцѣлуйномъ снѣ этого послѣдняго, — Ольга будто бы совершенно переродилась и вся ушла въ передовое общественное движеніе, которое въ ней, по словамъ Семенова, страшно нуждалось... Зачѣмъ? Ну, ужъ это опять секретъ Семенова и г-жи Вербицкой. Я склоненъ думать, да и недавняя лѣтопись событій тысячекратно подтвердитъ намъ, что русская прогрессивная сила семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ слишкомъ изобиловала женщинами твердыхъ убѣжденій и рѣшительной идейной стойкости, чтобы наряду съ ними оказалась драгоценною находкою слабонервная, чувственная, вздорная барышня, которая, въ поцѣлуяхъ и ревнивыхъ капризахъ, ухитри-

лась прозвѣвать даже завѣтную мечту свою, медицинскіе курсы. По словамъ Семенова, то-то и хорошо въ Ольгѣ, какъ будущей общественной дѣятельницѣ, что она потерпѣла полное крушеніе въ прихотяхъ личнаго счастья. Я смѣю думать, что г-жа Вербицкая черезчуръ поспѣшила этимъ необоснованнымъ положеніемъ: оно звучитъ напраслиною по адресу прогрессивныхъ женщинъ. Ужъ какая обществкнная дѣятельница, если – съ отчаянія, что любовникъ измѣнилъ? Развѣ можно рассчитывать на твердость и постоянство подобной героини? Ну, одинъ измѣнилъ, а другой утѣшитъ, – стало быть, тогда и ау, прощай, прогрессивная дѣятельность? Г-жѣ Вербицкой хорошо извѣстно, что именно поколѣніе Ольги было богато женщинами высокаго и чисто-идейнаго, безъ всякихъ заднихъ причинъ и двигателей, подвига, женщинами совершенно исключительной нравственной силы, самоотверженной работы на пользу ближняго, героинь, чуждыхъ хвастливости и показныхъ эффектовъ: сама же она показала читателямъ, рядомъ съ Ольгою Девичъ, такой мощный и величественный типъ, въ

лицѣ Ганецкой (зри выше пару вторую). Гдѣ дѣйствуютъ Ганецкія, тамъ Ольгамъ Девичь трудно играть замѣтныя роли. Г-жа Вербицкая говоритъ, что общественная дѣятельность Ольги была знаменательна и не обошлась безъ тяжкихъ жертвъ. Пожалуй, и тому можно повѣрить. Въ способностяхъ Ольги Девичь къ страстному энтузіазму, а, въ порывѣ его, и къ жертвѣ, и къ подвигу, не слѣдуетъ сомнѣваться. Но откуда берется у нея самый энтузіазмъ? Изъ фанатическаго проникновенія гордымъ сознаниемъ своей полезности общественному прогрессу, какъ у Ганецкой? Боюсь, что нѣтъ: источника надо искать опять-таки въ новой влюбленности — въ Семенова, что ли, или въ другого носителя и глашатая прогрессивныхъ идей. Идеи-то вѣдь всегда были однѣ и тѣ же, и Ольга отлично ихъ знала отъ того же Семенова, но, что называется, и ухомъ не вела на нихъ, пока на умѣ у нея были отчасти медицинскіе курсы, а главнымъ образомъ, офицеръ съ цыганскимъ профилемъ. Офицеръ измѣнилъ, курсы закрылись, Семеновъ объяснился въ любви не то къ Ольгѣ, не то къ слянію идей съ Ольгою

воедино, — ну, «не съ чего, такъ съ бубень!» — Ольга улеглась къ Семенову на плечо и говоритъ: теперь я вся ваша. Ради пріобрѣтенія въ собственность офицера съ цыганскимъ профилемъ, Ольга перенесла массу житейскихъ лишеній, тяжкаго труда, нравственныхъ самоистязаній. Весьма возможно, что, пріобрѣтая въ собственность Семенова, она проявила не меньшую выносливость и смѣлость. Но проявила — ради Семенова, а совсѣмъ не ради тѣхъ прогрессивныхъ задачъ, въ служеніе которымъ ударилась не по собственному нравственному позыву, но только съ горя о потерѣ Чарницкаго, о прозѣванныхъ курсахъ, о нѣсколькихъ годахъ жизни, убитыхъ напрасно для себя и вредно для множества близъ стоявшихъ людей. Еще одно недоумѣніе. Почему это принято многими писателями изображать русское передовое общество какою-то больницею для физически и нравственно изломанныхъ калѣкъ, послѣднимъ пристанищемъ, пріютомъ отчаянія для людей съ исковерканною жизнью и измыканною волею? Неужели къ сознанію честной общественной мысли,

къ готовности на идейное и дѣльное служеніе обществу женщина не въ состояніи придти иначе, какъ, докапризничавшись въ любви чуть не до чахотки, мужа замаявъ до аневризма, уморивъ ребенка и опостылѣвъ всѣмъ добрымъ людямъ своимъ безпросвѣтнымъ эгоизмомъ? Сдается мнѣ, что г-жа Вербицкая опять впадаетъ въ непріятную ошибку и жестокою напраслину, которую опять же сама и опровергаетъ и исправляетъ, затѣняя Ольгу представительницами здоровой, бодрой, сознательной энергіи, въ лицахъ Ганецкой, Колпиковой, Литвиновой и др. Общественный прогрессъ никогда не выходилъ, да и не можетъ выйти ни изъ госпиталя, ни изъ богадѣльни. Онъ созидается руками «бодрыхъ съ юными лицами, съ полными жита кошицами», а не инвалидами съ ревматизмомъ во всемъ тѣлѣ и съ пустыми мѣшками за спиною.